

Линь Фань понимал, что создает неудобства, но другого выхода не было. Он не мог оставить Сун Минфэя под палящим солнцем, поэтому позволил жене Ли Цзиньбао уйти в восточную комнату, чтобы Сун Минфэй мог отдохнуть в западной.

Увидев ситуацию в доме Ли Цзиньбао, Линь Фань понял, что они не могут оставаться здесь надолго. После того как Ли Цзиньбао рассказал об основных обстоятельствах, Линь Фань спросил, есть ли где-то место, где они могли бы остановиться.

Услышав это, Ли Цзиньбао снова начал возмущаться, рассказывая, как у него отобрали дом, как его дядя и тетя были бессердечными, и как его брат вел себя безответственно. В конце концов, он повел Линь Фаня к старосте деревни.

Староста, видимо, уже слышал об их истории. Едва Линь Фань переступил порог, староста начал говорить о том, как трудно разбирать семейные дела, и что он не хочет создавать новых конфликтов среди соседей. Очевидно, он тоже считал, что Линь Фань — это тот самый человек из деревни, но не хотел вмешиваться.

Линь Фань, конечно, не был тем человеком, и его не интересовали эти неприятные дела. Но сейчас он нуждался в помощи, чтобы найти временное пристанище для себя и Сун Минфэя в этом незнакомом мире. Поэтому он терпеливо выслушал старосту и, как только представилась возможность, сразу же объяснил свою просьбу.

Услышав, что Линь Фань не пришел требовать дом, староста заметно расслабился, даже улыбнулся и проявил некоторую заботу, предложив им жилье.

...

...

Оставшись наедине, Линь Фань рассказал всё, и оба погрузились в долгое молчание.

...

— Говорил о перемещении во времени, а оказалось, что это действительно так. Что за дела, — вдруг заговорил Линь Фань, стараясь казаться спокойным, но его настроение было явно не на высоте.

Сун Минфэй хотел что-то сказать, но слова казались слишком пустыми. Семья, друзья, работа — всё, что он знал, возможно, он больше никогда не увидит.

Даже у него, у которого не было особых привязанностей, было много сожалений, не говоря уже о Линь Фане, который был близок с семьей. Ему, вероятно, было трудно смириться.

К счастью, Линь Фань не был человеком, который склонен жаловаться на судьбу. Он мог справляться с эмоциями и не показывать их на лице. Вскоре он снова пришел в себя.

— Ты проголодался? Цзиньбао дал мне немного грубого риса, я сварил кашу. Дам тебе немного, — Линь Фань уже повернулся и направился в соседнюю комнату.

Сун Минфэй последовал за ним взглядом, снова осматривая две маленькие комнаты:

— Староста предложил именно этот дом?

— У подножия горы, рядом с водой, в тишине. И, что самое главное, бесплатно, — ответил Линь

Фань, держа в руках миску. Его лицо выражало горечь.

Когда он впервые увидел этот дом, то даже подумал, что он вот-вот рухнет.

— Неплохо, по крайней мере, есть где жить. — Сун Минфэй взял миску, на краю которой была желтоватая щербинка, а рис внутри был очень грубым.

Сун Минфэй понимал, что в этом совершенно незнакомом времени такой рис был большой редкостью, но сейчас не время было церемониться. Ему нужно было поесть, чтобы восстановить силы. Он не хотел быть обузой для Линь Фаня.

Грубый рис был далек от привычного белого, его текстура была жесткой, и при глотании он раздражал и без того воспаленное горло. Но Сун Минфэй быстро съел свою порцию, почти как лекарство.

— В котелке еще есть, я дам тебе еще, — сказал Линь Фань, видя, как быстро Сун Минфэй съел кашу. Он взял миску, чтобы наложить еще, как только тот закончил.

— Хватит. — Когда Линь Фань накладывал кашу, Сун Минфэй заметил, что в котелке осталось совсем немного, едва ли на одну порцию.

— Ты поешь, у тебя еще жар. Я занял немного денег у Цзиньбао и спросил дорогу в город. Позже пойду туда, куплю что-нибудь поесть, — Линь Фань понял, что Сун Минфэй старается не быть обузой.

— У меня нет аппетита, — настаивал Сун Минфэй.

Поскольку он так сказал, двум мужчинам не стоило спорить из-за этого. Линь Фань просто съел ту порцию каши, которую только что наложил.

Сун Минфэй еще не полностью оправился, и даже малейшее движение вызывало у него пот. На этот раз он не стал напрягаться и после обеда лег отдохнуть.

Линь Фань всё это время лежал на лежанке, время от времени меняя ткань на лбу Сун Минфэя. После нескольких раз температура наконец немного снизилась.

Сун Минфэй проснулся в полдень. Они долго разговаривали, и к тому моменту, когда они закончили, было уже около часа или двух дня.

Линь Фань собирался в город. Он был новичком здесь и не знал дороги, поэтому, как только температура Сун Минфэя немного спала, он сразу же начал готовиться к походу.

Сун Минфэй, уже чувствуя себя немного лучше, прислонился к стене, наблюдая, как Линь Фань снимает свою одежду и надевает грубую тканевую рубаху, которую можно было увидеть только в исторических фильмах.

Когда одежда была на нем, Линь Фань начал возиться с куском ткани. Сун Минфэй немного удивился, и Линь Фань, поняв это, первым заговорил:

— Мне нужно укрыть волосы. Они не должны видеть короткую стрижку. Я заметил, что люди в деревне не принимают короткие волосы, вероятно, из-за теории «тело и волосы даны родителями». — С этими словами Линь Фань сложил ткань пополам и обернул ею голову. Движения были немного неуклюжими, но в итоге всё получилось.

— Как? Волосы не видны? Ничего не выдает? — Без зеркала, закончив, Линь Фань повернулся к Сун Минфэю, чтобы тот оценил его вид с разных углов.

— Справа немного опусти, — посоветовал Сун Минфэй.

Линь Фань подтянул ткань.

— Теперь нормально. Выглядит вполне естественно, — сказал Сун Минфэй.

— Неважно, похоже или нет, главное, чтобы не бросалось в глаза. Наши короткие волосы слишком выделялись. Когда ты выйдешь, тебе тоже нужно будет укрыть волосы. Я взял для тебя одежду и ткань, — Линь Фань продолжал говорить, убирая свои джинсы и футболку в сторону.

Лежанка в этой старой комнате была сделана из глины, и почти все рваные циновки Линь Фань положил под Сун Минфэя. Его одежда, брошенная на лежанку, выглядела бы лучше, если бы висела на неустойчивом деревянном столе. Не то чтобы она была чистой, но хотя бы аккуратной.

Перед уходом Линь Фань снял ткань со лба Сун Минфэя, вымыл её и поставил разбитый кувшин с водой рядом с лежанкой, чтобы Сун Минфэй мог дотянуться до него, и объяснил, что тот должен сам прикладывать холодный компресс, пока его нет.

— Если захочешь пить, пей эту воду. Я её вскипятил. Не пей из внешнего кувшина, это сырая вода из колодца, мы можем не привыкнуть к ней, и это вызовет проблемы, — Линь Фань поставил миску с водой рядом с Сун Минфэем и добавил. — Я специально не открыл окно, снаружи ветер. Ты сильно пропотел, постарайся потерпеть, чтобы ветер не ударил тебя.

Сун Минфэй видел всё, что делал Линь Фань. Внешне он казался простоватым, но на самом деле был очень внимательным и заботливым человеком.

— Спасибо, Линь Фань, за твою заботу, — посмотрел на него Сун Минфэй.

— Не стоит благодарности. — Линь Фань немного смутился от такой серьезной благодарности, улыбнулся и сказал, что пора идти.

Сун Минфэй кивнул:

— Счастливого пути.

— Счастливого пути, обязательно счастливого, — Линь Фань повернулся и ушел.

После того как Линь Фань ушел, Сун Минфэй снова тихо сказал:

— Возвращайся поскорее...

В этом незнакомом мире они могли полагаться только друг на друга.

Вскоре после ухода Линь Фаня температура Сун Минфэя начала постепенно снижаться. Поскольку он съел немного грубой рисовой каши, силы понемногу возвращались.

Волосы, прилипшие к лицу от пота, и рубашка, промокшая под дождем и пропитанная потом, вызывали сильный дискомфорт. По мере того как жар спадал, неприятные ощущения от липкости становились всё более заметными.

Полежав некоторое время, Сун Минфэй всё же не смог терпеть это состояние и, убедившись, что его тело справится, медленно встал с лежанки.

Он всегда считал себя неприхотливым человеком. Многие вещи, возможно, ему не нравились, но он мог к ним приспособиться. Однако одно оставалось неизменным — желание поддерживать себя и своё окружение в чистоте и комфорте. Если комфорт был недостижим, то хотя бы чистоту.

Сейчас это было невозможно. Раньше его физическое состояние не позволяло ему думать об этом, но теперь, когда он почувствовал себя немного лучше, ему захотелось принять ванну.

Линь Фань оставил ему одежду — грубую рубаху с двумя заплатками на плечах, местах, наиболее подверженных износу. Она выглядела старой, но была чистой.

Сун Минфэй почти никогда не носил чужую одежду, но его собственная рубашка нуждалась в стирке, поэтому он взял приготовленную Линь Фанем одежду и вышел из внутренней комнаты.

Внешняя комната, благодаря открытым окнам и дверям, была светлее. Рядом с лежанкой находилась крестьянская печь, но на ней не было котла, только пустое дно. Видимо, большой железный котел кто-то унес.

<http://bllate.org/book/16922/1558078>